

ИРАНСКИЙ АТОМ: ДОЙДЕТ ЛИ ДЕЛО ДО ВОЙНЫ?

©2013 г. Ю. Свешникова

Массовый невроз политиков, обещающих скорое начало войны с Ираном, перетекает в клиническую стадию. Впрочем, позвольте, барабаны войны забили отнюдь не сейчас. Ровно та же риторика была свойственна израильскому правительству и в 2006 г., а американскому – начиная с 1979 г. с периодами вялотекущей ремиссии.

Но в текущем «сегодня» новые переложения истории об иранском ядерном прогрессе в виде доклада МАГАТЭ и подборки мнений американских экспертов, угроза перекрытия Ормузского пролива, обещающая крах мировой экономики, информационная кампания в Израиле о возможности нанесения удара по Ирану до ноябрьских выборов в США, - воспринимаются довольно реалистично. Казалось бы, неосторожное движение пальцем по кнопке – и наэлектризованное состояние иранской ядерной проблемы взорвется, накрыв всю возможную рациональность облаком ужасающих последствий.

Но мы предположим, что даже кажущаяся истерика: Израиля об устранении угрозы международной (а в первую очередь, конечно, израильской) безопасности, а Ирана – об отрицании Холокоста и необходимости стереть Израиль с карты мира, - определяется вполне рациональными причинами. Мы поищем их в истории вопроса и иранском институциональном устройстве.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕНИЯ

В последнее время на фоне продолжающихся попыток Ирана играть роль регионального “тяжеловеса”, страна испытывает обратный прессинг в виде политико-экономических санкций, международной изоляции и психологического давления в связи с развитием своей ядерной программы. Факт производства Ираном ядерного оружия не доказан, существуют лишь косвенные доказательства, которые зачастую трактуются как полностью достоверные. По мнению С. Хантингтона, дихотомия нераспространения ядерного оружия заключается в том, что Запад представляет принцип нераспространения как отражающий интересы всех наций в международном порядке и стабильности. Однако другие нации рассматривают его как обслуживание интересов гегемонии Запада¹. Так, в случае с иранской ядерной программой объективность МАГАТЭ не раз ставилась Ираном под вопрос. Как член Договора о нераспространении ядерного оружия Иран всегда заявляет, что его ядерная программа носит исключи-

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 121.

тельно мирный характер и развивается в энергетических и медицинских целях. А попытки оказать давление на Исламскую Республику обусловлены субъективными целями Запада, в первую очередь США, и подкреплены политикой двойных стандартов. В связи с этим при формулировании своей позиции (и эта позиция не меняется на протяжении многих лет) Иран всегда опирается на несколько постулатов:

- Создание ядерного оружия – это *харам* (противоречит исламским нормам)
- Вопрос развития ядерных технологий – это вопрос технологического развития и обеспечения независимости государства, международного равенства
- Почему к Ирану должно формироваться особенное отношение, в то время как на Израиль, Пакистан и Индию не оказывается никакого давления, хотя факт обладания ими ядерным оружием считается достоверно известным?

Члены “евротройки”, США и Израиль продолжают считать эту аргументацию фасадом, за которым скрывается реальное намерение Ирана изготовить ядерное оружие.

История иранской ядерной энергетики ведет свой отсчет с 1950-х годов. Но собственно кризис вокруг иранской ядерной программы – хотя иранские политологи настойчиво предпочитают обозначать ситуацию как “вопрос”, а не “кризис” – с 2000-х годов. В 1999 и 2002 гг. Иран провел испытания на тестовых центрифугах, установленных на секретном объекте в компании “Калайе электрик”, используя поставленный из Китая гексафторид урана. В 2001 г. Иран также начал строительство подземного объекта по обогащению урана недалеко от г. Натанз. Однако по Соглашению о гарантиях для неядерных государств-участников ДНЯО, неядерные государства были обязаны информировать МАГАТЭ о новом ядерном объекте за 180 дней до появления на нем ядерного материала². Но к 2003 г. строительство объектов не завершилось и никаких ядерных материалов там не находилось. Поэтому формально у Тегерана не было оснований заявить об объектах в МАГАТЭ, равно как и нет оснований говорить о них как о секретных в международно-правовом смысле. После этого инцидента код 3.1 Дополнительного соглашения был модифицирован³, но впоследствии Иран заявил, что не считает себя связанным этим пунктом в связи с незаконностью решений МАГАТЭ.

Расследования, дипломатические маневры и санкции Совета Безопасности ООН против Ирана интенсифицировались в период 2003-2009 гг. В феврале 2003 г. МАГАТЭ был открыт доступ на новые ядерные объекты в Иране. В мае Франция предоставила Группе ядерных поставщиков материалы, обвиняющие Иран в осуществлении военной ядерной программы. В августе появилась информация об обнаружении инспекторами МАГАТЭ следов высокообогащенного

² Evolution of IAEA Safeguards / Vienna: International Atomic Energy Agency. 1998. P. 19.

³ Сокращая сроки уведомления о строительстве ядерных объектов.

урана на предприятии в Натанзе. К осени международное сообщество заключило, что Иран может обогащать уран до высоких степеней. Чтобы избежать передачи дела в СБ ООН Иран подписал Дополнительный протокол 1997 г. к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и обязался ответить на все вопросы о своей ядерной программе. В замороженном статусе программа продержалась 3 года, после чего Иран возобновил ее часть, связанную с газовыми центрифугами и их производством.

В 2005 г., когда Иран объявил о возобновлении работ, связанных с обогащением, страны «Евротройки» решили отложить переговоры до вступления в должность нового президента Ирана, рассчитывая, что в июне 2005 г. вновь будет избран Рафсанджани, более склонный к компромиссам. Однако президентом Ирана был избран мэр Тегерана Ахмадинежад, и уже в августе работы по обогащению возобновились. 4 февраля 2006 г. Совет управляющих МАГАТЭ проголосовал за передачу иранского ядерного дела в Совет Безопасности ООН. Иран заявил, что хотел бы прекратить добровольное сотрудничество с Агентством и начать полномасштабное производство обогащенного урана для обеспечения энергией. В июле 2006 г. СБ ООН принял резолюцию № 1696, которая в случае нарушения Ираном предписаний МАГАТЭ (в частности, это касалось отказа от обогащения урана), предполагала принятие мер в соответствии со ст. 41 главы VII Устава ООН.

23 декабря 2006 г. Совет Безопасности ООН принял решение о введении санкций. Резолюция СБ ООН № 1737 запрещает поставку Ирану оборудования и технологий, которые могут быть использованы для обогащения урана и химической переработки отработанного ядерного топлива, счета иранских компаний, подозреваемых в нелегальном приобретении ядерных технологий, были заморожены.

В 2009 г. лидеры США, Франции и Великобритании публично объявили о существовании секретного ядерного объекта, который находился в процессе строительства неподалеку от города Кум. Его появление породило опасения, что Иран намеревался построить прорывной объект, на котором можно было бы быстро создать атомную бомбу. В своем заявлении постоянный представитель Ирана при МАГАТЭ Али Асгар Солтанийе заявил, что завод «Форду» был построен, чтобы диверсифицировать обогащение урана на случай атаки против иранских ядерных объектов⁴.

Переговоры в составе «Группы 5+1» – постоянных членов СБ ООН и Германии в сентябре 2009 г. к какому-либо конечному результату не привели. Иран дал согласие на инспекции реактора в Араке, установку дополнительных камер в Натанзе, встречу с «Группой 5+1» в Женеве 1

---

⁴ Информационный циркуляр МАГАТЭ INFCIRC/779 15.12.2009. с. 2. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2009/Russian/infcirc779_rus.pdf

октября 2009 г. и даже предварительное согласие на сделку о передаче 1200 килограмм низкообогащенного урана (НОУ) для изготовления урановых стержней в России и Франции⁵. Но вскоре после обсуждения деталей сделки, иранцы объявили, что хотели бы оставить свой НОУ в Турции и передать его международным партнерам только после получения готовых стержней, объясняя это недоверием шестерке посредников, а также определили план по построению 10 новых ядерных объектов. Сделка сорвалась.

В течение 2006-2010 гг. на фоне дипломатических переговоров Совет безопасности ООН принял в общей сложности четыре раунда санкций против Ирана за отказ приостановить обогащение урана и сотрудничать с МАГАТЭ (резолюции № 1737 (2006 г.), 1747 (2007 г.), 1803 (2008 г.) и 1929 (2010 г.)). Помимо импорта технологий и оборудования, санкции касаются юридических лиц и государственных служащих, банковской и торговой деятельностью, связанных с ядерной программой.

Международные трения усилились с 2010 г., когда Иран переориентировал центрифуги на заводе “Форду” на обогащение урана до 20%, также повысил степень обогащения на заводе в Натанзе и самостоятельно изготовил урановые стержни для Тегеранского исследовательского реактора.

8 ноября 2011 г. МАГАТЭ выпустило доклад о состоянии иранской ядерной программы. Доклад не содержал принципиально новых сведений, которые могли бы стопроцентно уличить Иран в работе в настоящее время над созданием ядерного оружия. Однако 18 ноября Совет управляющих МАГАТЭ одобрил резолюцию по Ирану, в которой выразил “глубокое и растущее беспокойство по нерешенным вопросам”, касающимся иранской ядерной программы⁶.

Международные переговоры прекратились в 2011 г. и возобновились только весной 2012 г. В перерыве между этими раундами политика США и “Евротройки” остановилась в точке “кнута”, оставив “пряники” позади: США объявили о готовности наказывать финансовые институты, имеющие дела с Центральным банком Ирана, основным проводником нефтяных денег в стране, 1 июля 2012 г. Евросоюз прекратил закупки иранской нефти. Иран заявил, что может перекрыть

---

⁵ *Clawson P.* Much Traction from Measured Steps // Policy Focus. January 2010. № 100. P. 8.

⁶ *Трушкин И.* Венский дневник // Вена+Женева: международные организации в сфере ядерного нераспространения и разоружения. 2011. № 9(18). URL: [http://pircenter.org/data/Vienna-Geneva/VG9%20\(18\)%20November%202011.htm](http://pircenter.org/data/Vienna-Geneva/VG9%20(18)%20November%202011.htm)

Ормузский пролив и провел там учения⁷. Впрочем, Иран заявлял о возможном перекрытии пролива еще в 2006 г. в связи с наложением санкций СБ ООН, но этого так и не осуществил. Весной-летом 2012 г. прошла серия переговоров, состоящая из встреч Ирана с «шестеркой» посредников – в Багдаде, Москве, и два раза в Стамбуле. В начале переговоров Иран проявил оптимистичную готовность прийти к соглашению. В феврале 2012 г. аятолла Хаменеи вновь заявлял о том, что приобретение ядерного оружия – это большой грех, запрещено исламом. И накануне переговоров в Москве Саид Джалили подтвердил, что Исламская Республика выступает строго против оружия массового уничтожения⁸. Однако переговоры закончились, по сути, ничем.

ПСИХОАНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Итак, Исламская Республика Иран подозревается в попытке приобретения ядерной боеспособности, при этом заявляя, что ее ядерная программа носит исключительно мирный характер. Различие версий того, сколько времени необходимо Ирану для того, чтобы эту боеспособность приобрести, доказывает условность информации, которая указывает на реальные намерения Тегерана.

Многочисленная аналитика исходит из презумпции того, что Тегеран стремится к созданию ядерного оружия. Мы не будем следовать всеобщему эмоциональному тренду и жесткому стилю аналитических записок, вроде тех, что принадлежат корпорации RAND, и будем исходить из иранских интересов на этом поле, включая его положение на Ближнем Востоке и внешнеполитические устремления. Аналитики часто упускают из вида внутривосточную ситуацию в Иране, отчасти потому что трения между элитами не так уловимы извне.

При принятии решений внимание Ирана также рассеяно между США, которые играют первую скрипку в давлении на Тегеран, Израилем, который в течение нескольких лет грозит нанести упреждающий удар по иранским ядерным объектам по примеру иракского Озирака, недружелюбными по отношению к Ирану в последние годы арабскими странами Персидского залива и другими странами региона – прежде всего Ираком и Сирией. Более того, в глазах Тегерана ядерные амбиции напрямую связаны с защитой государственного суверенитета и претензиями США на влияние в регионе. Поэтому политика Тегерана по ядерному вопросу непосредственно

---

⁷ Угроза перекрытия пролива была озвучена первым вице-президентом Ирана Мохаммадом Резой Рахими 27 декабря 2011 г. – такая мера предполагалась на случай, если санкции поставят в безысходное положение иранскую экономику.

Тегеран грозит перекрыть Ормузский пролив в случае введения санкций // РИА Новости. 27.02.2011. URL: <http://ria.ru/world/20111227/529385313.html>

⁸ Iran expects right to enrichment to be recognized in Moscow: Jalili // Tehran Times. 16.06.2012. URL: <http://www.tehrantimes.com/component/content/article/98817>

связана и с его взаимоотношениями с Вашингтоном. В некотором смысле «личными» эти трения делает и история с захватом американского посольства в Тегеране и утрата США влияния на Иран, которым они обладали при шахе.

История иранского чувства уязвленности по отношению к внешним игрокам гораздо длиннее, чем история иранского ядерного вопроса, хотя и короче, конечно, чем история притеснения шиитов в целом. В иранской и шиитской культурной памяти, чуткой к «притеснениям нечестивых правителей», болезненным воспоминанием является участие США в возвращении в Иран шаха в 1953 г. Когда обладающий колоссальной публичной популярностью премьер-министр Мохаммад Мосаддек принял решение о национализации нефтяной промышленности, которая на тот момент находилась в обороте Великобритании, последняя прибегла к помощи США. Тогда удалось вернуть в страну лояльного Западу шаха. И именно американец Кермит Рузвельт в качестве режиссера прошахских выступлений и последующее американское влияние в Иране запомнились иранцам, мечта которых получать сполна доход от собственных природных ресурсов не оправдалась.

Следующей причиной иранского беспокойства стала ирано-иракская война 1980-1988 гг., в ходе которой Иран остался практически без союзников, в то время как Ирак получил широкую поддержку и применял против иранцев химическое ОМУ. Как израильское правительство часто повторяет то, что не допустит второго Холокоста, иранцы полны решимости не допустить второй такой войны в состоянии беззащитности перед агрессором. Иранские эксперты отмечают подверженность иранского сознания идее об опасности вторжения. «Мы фактически остались одни, нам не помогал никто. Отсюда этот остаточный эффект – страх беззащитности страны», – объясняет научный сотрудник Института кавказских исследований в Тегеране Мехди Хоссейни Таги Абад⁹.

Сюда укладывается и история попыток наладить взаимоотношения между Ираном и США. Так, во время случаев с захватом в заложники граждан Европы и США в Ливане в 1980-х гг., Дж. Буш старший предложил Ирану сделку, напоминающую прошлогодний «план Лаврова» – «жест доброй воли в обмен на жест доброй воли». В ответ на помощь в освобождении заложников Иран ожидал размораживания своих активов в США, замороженных после революции. Иран выполнил свою часть условной сделки, но активов так и не получил.

В 2001 г. Иран помог США очистить большую часть Афганистана от талибов, несмотря на то, что Дж. Буш младший отнес его к странам «оси зла», и открыл многочисленные ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ после 2002 г. в соответствии с Дополнительным протоколом.

---

⁹ Интервью с Мехди Хоссейни Таги Абадом, лето 2011 г., Тегеран.

При этом давление на Иран по ядерному вопросу только усилилось. Тайные переговоры шли между США и Ираном с 2001 по 2003 г., когда у власти находился Хатами, Иран был готов обсуждать широкий круг вопросов. Вина за то, что те переговоры не увенчались успехом, лежит на США, считает репортер Барбара Слэйвин¹⁰. Американские эксперты порой признают, что та политика Ирана, которая имеется сейчас, начата самими американцами в 1953 г. и продолжена в последующем. В шахские времена правительство сдерживало народное недовольство относительно внешней экспансии. На данный момент, когда эти настроения, напротив, поощряются правительством, ситуация закрутилась практически по спирали.

Итак, комплекс уязвленности, незащищенности – это один из мотивов, почему Тегеран не готов поступиться своими приобретениями, в нашем случае – ядерными. Он же – вероятная предпосылка для того, чтобы задуматься о получении ядерного оружия в качестве средства защиты от посягательств на государственный суверенитет.

Рассмотрим гипотезу о том, что Иран действительно решил приобрести ядерную боеспособность. Профессор Стэнфордского университета Скотт Саган, опираясь на историю ядерного нераспространения, считает, что обычно получение ядерной боеспособности преследует три цели: защитить страну от внешней угрозы безопасности, удовлетворить местечковые интересы внутривластных акторов и приобрести определенный статус¹¹. Иран, считает Саган, это классический пример государства, которое хочет получить ядерное оружие в качестве гарантии от нападения извне – рефлексирова тяжёлые последствия ирано-иракской войны и нацеленность США на смену режима в Тегеране.

Но было бы довольно узко принять за цели Тегерана только охрану от внешнего вмешательства в дела государства. Мы предлагаем рассмотреть эту версию в триаде, которая звучала в американской аналитике и которой придерживается востоковед Г. Мирский. Ядерная программа Ирана имеет свое значение в трех ипостасях:

- Элемент сдерживания (защита от внешних посягательств)
- Символ сильного государства
- Ключевая предпосылка для региональной гегемонии

Акцент на элементе сдерживания относится к президентским срокам Рафсанджани и Хатами, причем претензии на силу идут в связке со сдерживанием. Обладание ядерным оружием подает четкий сигнал о том, что с Хаменеи не получится поступить так же, как с Каддафи в Ливии и Хусейном в Ираке.

¹⁰ *Slavin B.* Bitter Friends, Bosom Enemies; Iran, the U.S., and the Twisted Path to Confrontation. N.Y., 2007.

¹¹ *Sagan S.* How to Keep the Bomb From Iran // *Foreign Affairs*. 2007. № 5(85). P. 47.

Нацеленность на приобретение статуса региональной державы присутствует в умах иранских правящих элит еще с шахского периода, после революции она встала под другие знамена, а с укреплением позиций консервативной элиты и вступлением в должность Ахмадинежада эта цель оттянула на себя очки с предыдущих двух составляющих. Лозунги о распространении исламской революции в регионе со временем утратили свою яркость, уступив место прагматизму послевоенных лет президентства Рафсанджани. Но по-прежнему ислам используется иранским президентом как идеология, которая могла бы объединить мусульман региона, это прямо вытекает из природы иранского устройства власти, которое замешано на исламе. По мнению Г. Мирского, Иран стремится возглавить “арабское сопротивление”, увлекая за собой антиамериканские настроения в Египте, Саудовской Аравии и Иордании, опираясь на общественное мнение в этих странах. И таким образом претендуя на лидерство в исламском мире¹². В самом деле, Ахмадинежад, не будучи ни арабом, ни суннитом, равно как и его государство в целом, используя антиамериканскую и антиссионистскую риторику, смог обрести популярность в своей стране и на “арабской улице”. Эта же линия проводилась за счет вмешательства в вооруженные конфликты, установления связей с антиправительственными группировками, формирования в соседних странах структур проиранской ориентации.

Иранский ядерный вопрос служит созданию фактора противостояния, продолжая старые призывы Рафсанджани к созданию “исламской бомбы”¹³, что отодвигает концепцию диалога цивилизаций до лучших времен. Построение конфронтации относится, прежде всего, к Израилю, так называемому “малому шайтану”, и к США, “большому шайтану”, и делит людей на тех, кто относится к “миру ислама”, и тех, кто относится к “миру войны”, а в несколько отличной трактовке Хомейни – на угнетателей и угнетенных. Фактор противостояния помогает также объединить иранский народ в противодействии внешней угрозе в экономически неблагоприятные времена. Действительно, за то время, что Иран сталкивается с международным давлением, ядерная программа смогла стать своего рода национальной идеей. И дело не в том, что люди, следуя мысли пакистанского лидера Зульф리카ра Али Бхутто о том, что “лучше есть траву, но ядерную бомбу все равно получить”, ставят разработку ядерного оружия в красный угол вместо икон, отсутствующих в шиитской традиции. В общем-то, о ядерной программе и не разговаривают в повседневных беседах. Важно другое – отказ от ядерных

---

¹² Смертельные санкции для Тегерана. // Эхо планеты. 2010. № 37. С. 14.

¹³ В 1988 г. аятолла Хашеми-Рафсанджани заявил, что иранцы “должны быть хорошо вооружены химическим, бактериологическим и радиологическим оружием, чтобы использовать его в защитных и наступательных целях”, и три года спустя его вице-президент, обращаясь к собранию исламской конференции, сказал: “Поскольку Израиль по-прежнему обладает ядерным оружием, мы, мусульмане, несмотря на попытки ООН не допустить его распространения, должны сотрудничать в области создания атомной бомбы”.

амбиций на данном этапе означал бы добровольную сдачу позиций обобщенному “Западу”, который со временем захочет большего. Сначала – отказ от обогащения урана, потом – разрешение на внутреннее вмешательство в дела страны. Люди уверены в том, что массовая международная истерия вокруг иранской ядерной программы – лишь повод устранения республики как влиятельного государства в регионе, которое не боится отстаивать свою независимость. И потом, согласиться поступиться своим неотъемлемым правом на мирный атом в соответствии с ДНЯО означало бы поступиться достоинством. Иранцы, как политизированная нация, очень тонко это чувствуют. И на данном этапе готовы не только переживать санкции, которые ударили по экономике, но и частично поддерживать приобретение ядерной боеспособности.

Теперь, при наличии указанных целей, действительно ли Ирану необходимо создать ядерную бомбу как таковую или достаточно приобрести способность создавать оружие? Г. Мирский придерживается позиции, что Тегеран стремится достичь состояния “5-минутной готовности” ядерной бомбы. Глава штаба израильских вооруженных сил Бени Ганц в своем заявлении газете “Haaretz”, также считает, что Иран “шаг за шагом собирается достичь точки, в которой он сможет принимать решение о том, стоит ли создавать ядерную бомбу, но решение о том, чтобы идти дальше, не принято”¹⁴. Министр обороны США Леон Панетта заявил, что “Иран скорее стремится к приобретению способности создать ядерное оружие, а не самого оружия”¹⁵. Эксперты Марк Фицпатрик и Грег Джонс сходятся во мнениях по поводу того, что у Ирана есть все необходимое для приобретения ядерного оружия и считают, что Ирану не хватает только принятого политического решения¹⁶.

Скептики считают, что Иран согласился в очередной раз сесть за стол переговоров, чтобы выиграть время для приближения к опасной ядерной черте. Иранцы несколько раз отклоняли предложение перенести обогащение на российскую территорию¹⁷, притом, что Иран уже наработал достаточное количество урана, чтобы обеспечить Тегеранский реактор, единственный в стране, который требует урана-235 такой степени обогащения, топливом практически до конца срока его службы, и необходимости в строительстве новых обогатительных заводов (как был построен завод “Форду” параллельно с уже имеющимся заводом в Натанзе) нет. Так, к маю

¹⁴ Kahl C., Irvine M., Dalton M. Red, Red Lines. Foreign Policy. 7.06.2012. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/06/07/red_red_lines

¹⁵ Who is responsible for U.S.-Iran tensions? // Aljazeera. February 2012. URL: <http://stream.aljazeera.com/story/whos-responsible-us-iran-tensions-0021985>

¹⁶ Parkins D. Sticks now, carrots later // The Economist. 19.05.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21555540?zid=308&ah=e21d923f9b263c5548d5615da3d30f4d>

¹⁷ Мирский Г. Будет ли удар по Ирану // Независимая газета. 13.04.2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-04-13/5_iran.html

2012 г. Иран наработал 146 кг урана, обогащенного до 20%¹⁸, в то время как для обеспечения топливом Тегеранского реактора необходимо всего 177 кг¹⁹. Поэтому у Ирана нет причин развивать свою ядерную программу такими стремительными темпами. Если говорить о средствах доставки, иранская ракетная программа развивается по своей собственной логике и пересечений с ядерной не выявляет²⁰.

Доказательством же того, что Ирану нет необходимости создавать непосредственно бомбу, а лишь обзавестись технологией, является то, что издержки от создания реального оружия слишком высоки. Если опираться на презумпцию о прагматичности иранского правительства, это представляется излишним. Если есть технология, то при принятии соответствующего политического решения в случае необходимости можно создать ядерную бомбу для того, чтобы дать необходимый отпор противнику. Создание непосредственно бомбы – достаточно затратное мероприятие, которое, во-первых, предполагает ресурсы на содержание и контроль, а во-вторых, чревато выходом из ДНЯО и окончательным обострением ситуации в регионе – импульсивными действиями Израиля и волной ядерного распространения среди государств Персидского залива.

Иран не стремится к полной международной изоляции, которую мог бы обеспечить факт приобретения ядерной бомбы. Скорее, в его планы входит заявлять о своих региональных интересах с других позиций.

В пользу версии о “5-минутной готовности” говорит и то, что приобретение непосредственно ядерного оружия может произвести обратный эффект. А именно – еще большее отчуждение соседей. Использовать ядерную бомбу Иран все равно не сможет, поэтому угрожать ей было бы бесполезно, а обладание ядерным оружием только продлит присутствие США в регионе. Передавать ядерное оружие террористическим группировкам Иран тоже не намерен. Во-первых, Иран не пойдет на такое обострение отношений с Израилем, иначе Тегеран мгновенно стал бы целью для атаки со стороны США или Израиля. Во-вторых, несмотря на поддержку ХАМАС и “Хезболлы”, Иран никогда не предоставлял им биологическое или химическое оружие, а иракским боевикам – средства для поражения американской авиации²¹.

Одновременно с версиями о военных ядерных амбициях Тегерана технические доказательства создания ядерного оружия в Иране отсутствуют. Бывший переговорщик по иранской ядерной

---

¹⁸ *Крючков И.* Иран готов отказаться от 20-процентного урана // Московские новости. 09.04.2012. URL: <http://www.mn.ru/world/20120409/315316835.html>

¹⁹ *Евсеев В.* Трудный путь из иранского тупика // Независимое военное обозрение. 6.07.2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-07-06/1_iran.html

²⁰ *Фролов А.* Иран: для чего ему ракеты? // Индекс безопасности. 2006. № 2 (82). С. 71.

²¹ *Линдсей Дж., Такей Р.* Когда Иран получит атомную бомбу // Россия в глобальной политике. 2010. Том 8, № 2. С. 76.

программе Хуссейн Мусавиан²² настаивает, что было бы ошибкой считать, что Иран сооружает ядерную бомбу или имеет такие планы. А несговорчивая, резкая риторика действующего иранского руководства по отношению к МАГАТЭ и международным посредникам лишь говорят в пользу того, что Ирану выгоден «туман» вокруг своей ядерной программы. В таком случае можно блефовать и поставить на кон в международных переговорах больше, чем имеется на самом деле, и получить для себя “пряники”, которые будет готово предложить международное сообщество. Мы не согласимся с убеждением востоковеда Евгения Сатановского в том, что Ахмадинежад фанатично предан идеям уничтожения Израиля и получения Ираном ядерного статуса²³. Может быть, у иранского президента в личном качестве и имеется неприязнь к государству Израиль, но цели уничтожения там явно не стоит, потому что издержки такого шага налицо. Получение Ираном ядерного статуса – это также не цель, а только инструмент.

Так, все вышеперечисленное – и сдерживание, и стремление к статусу региональной державы, и национальная идея, и необходимость сплочения народа вокруг правящего режима укладывается в имидж иранского государства, как на международной арене, так и во внутривосточных делах. Поэтому вопрос не в самом обладании ядерным оружием или технологии его создания: Иран не может отказаться от ядерных амбиций потому, чтобы не хочет сдавать позиции в регионе, а иранский режим – выглядеть проигравшим перед собственным народом и волнующейся оппозицией.

НЕЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Из всех прямых или косвенных участников ситуации вокруг иранской ядерной программы особо выделяются США и Израиль. Израиль, а вернее, антиизраильская риторика стала практически центральным инструментом иранской внешней политики и выполняет следующие функции:

- Выступает элементом имиджа Махмуда Ахмадинежада
- Выступает средством сплочения населения вокруг правящей элиты (внутренний вектор)
- Выступает элементом имиджа исламского революционного режима вне страны (внешний вектор):
- ✓ Привлекает внимание арабских стран (в том числе оттягивая его от Турции)

²² Ныне – научный сотрудник Принстона, в прошлом также глава комитета по международным отношениям Высшего совета национальной безопасности Ирана, автор мемуаров “Иранский ядерный кризис”

²³ Сатановский Е. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. М., 2012. С. 359.

- ✓ Способствует нивелированию идеологической границы между шиитами и суннитами
    - Акцентирует внимание на Израиле как на олицетворении всего западного, а значит, чуждого Ближнему Востоку – что способствует реализации предыдущих функций
- Так, в реальности антиизраильская риторика преследует своей целью все, что угодно, но отнюдь не предупреждение о всерьез предполагаемой атаке. Учитывая всевозможные последствия, решиться на военные действия против Израиля по сугубо идеологическим мотивам может только сумасшедший, коими нельзя назвать прагматичных иранских политиков.

США, помимо того, что находятся в конфронтации с Ираном в конфигурации, которую мы описали выше, еще и попадают в ужасно затруднительное положение в связи с поддержкой Израиля как союзника в регионе. Обама вынужден лавировать меж двух огней – не ввязаться накануне ноябрьских выборов в новый вооруженный конфликт на Ближнем Востоке и заглушить упреки республиканцев в излишней мягкости к Ирану.

В период одной из ремиссий, в августе 2006 г. Тегеран обратился к Вашингтону с предложением о нормализации двусторонних отношений. В 2007 г. Вашингтон впервые согласился на прямые переговоры с Тегераном, хотя и по отвлеченной теме ситуации в Ираке. В декабре 2007 г. был опубликован доклад Американского разведывательного сообщества, согласно которому Иран прекратил реализацию своей военной ядерной программы в 2003 г. Так, стороны могли рассчитывать на хорошую основу для переговоров уже в период президентства Барака Обамы. В 2008 г. было замечено несколько встречных шагов США. Министр обороны США Роберт Гейтс заявил, что США не может стоять на позиции только требующей державы, необходимо предлагать Ирану что-то взамен. В июле заместитель Госсекретаря США Уильям Бернс принял участие в многосторонней встрече с секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ Саидом Джалили по иранской ядерной программе в Женеве. Американское правительство задумалось о восстановлении дипломатического присутствия в Иране.

В 2009 г. администрация США занимала выжидательную позицию, надеясь на смягчение позиции Ирана по ядерному вопросу в связи с возможным приходом к власти оппозиционного кандидата Мир Хосейна Мусави. Обама направил иранцам воодушевляющее поздравление с праздником иранского нового года – Новруза. Но в связи с необходимостью консолидировать элиты и доказать свою преданность антиамериканской позиции накануне выборов, Ахмадинежад был вынужден, напротив, ужесточить свою позицию по ядерному вопросу.

Разочарование администрации США также наступило довольно быстро в связи с обнаружением третьего объекта по обогащению урана рядом с г. Кум в сентябре 2009 г. США, в свою очередь, ужесточили давление и санкции. В 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс заявила: “Для

Соединенных Штатов и того Большого Ближнего Востока, который мы хотели бы видеть, Иран представляет самую серьезную стратегическую угрозу, исходящую от одного государства”. “Форсирование работ по иранской ядерной программе продолжает тревожить США и большую часть мирового сообщества, усиливается ощущение того, что необходимы срочные меры”, – писали тогда Рэй Такей и Вали Наср²⁴. Но чувство перманентной угрозы, исходящей от Ирана культивируется еще с 1979 г., поэтому воинственные сигналы со стороны США и Израиля сделали Иран нечувствительным к ним.

Республиканцы в США поддерживают использование силы и давления на Иран. Однако не все обращают внимание, что такая позиция на протяжении этих лет только приводила к усилению национализма внутри Ирана и превращению ядерной технологии в национальную гордость²⁵. Помимо этого, военный удар по Ирану, на который его толкает израильская риторика, таит в себе другие опасности. А именно у США, а не у Израиля имеется военная техника, способная поразить иранские ядерные объекты, скрытые в горах и под толстым слоем укрепленного бетона. Если США действительно решатся нанести удар по иранским ядерным объектам, то, во-первых, даже при наличии современных бомб у США и Израиля не будет уверенности, что все объекты будут выведены из строя. Во-вторых, у Ирана все равно останутся накопленные знания в атомной области, возможность производить центрифуги. И тогда Иран точно прекратит контакты с МАГАТЭ, что сделает его программу не прозрачной. В-третьих, Иран скорее всего перекроет Ормузский пролив²⁶, как неоднократно грозил это сделать, а у него достаточно средств, чтобы обеспечить блокаду. Это приведет к взлету цен на нефть, что, в свою очередь, ударит по мировой экономике. В-четвертых, пошатнутся отношения США с исламским миром. И хотя руководство стран залива, возможно, и отпразднует устранение иранских претензий на лидерство в регионе, так называемая «арабская улица» расценит это вторжение повторением иракского сценария в худшем его варианте. Это может спровоцировать и новый виток «джихадизма» в мире, снова вывешивающего на знамена «войну цивилизаций». Это может коснуться и России, причем теперь уже не только Северного Кавказа, где существуют группы, относящие себя к вахаббитам, но на этот раз и Татарстана. Американский эксперт Колин Кахль считает картинку “чистого конфликта”, предложенную Мэттью Кронингом в обоснование необходимости скорого удара по Ирану, абсолютным миражом, потому что любой

---

²⁴ *Наср В., Такей Р.* Цена сдерживания Ирана // Россия в глобальной политике. 2008. Том 6, № 1 С. 111

²⁵ *Perkovich G.* Iran Is Not an Island: A Strategy to Mobilize the Neighbors // Policy Brief. 2005. № 34. URL: <http://www.carnegieendowment.org/files/PB34.perkovich.final.web1.pdf>

²⁶ Через Ормузский пролив проходит 20% всей торгуемой в мире нефти.

военный конфликт с Ираном обещает быть, напротив, “грязным”, с применением насилия и существенными жертвами и другими последствиями.

Кроме того, Иран может дать “асимметричный ответ”. Это не обязательно означает запуск ракет по Европе, а, например, атаки против гражданских служащих США в Ливане и Ираке, передачу оружия в Афганистан, ракетные удары по объектам США в Персидском заливе. Это потребовало бы ответа от США в виде атак против регулярных вооруженных сил и КСИР Ирана, так как военные операции осуществлялись бы именно их ресурсами. А значит, и начало полномасштабной войны.

Если атаку начнут Соединенные Штаты, Иран презюмирует, что Израиль также собирается вмешаться в конфликт. И если, например, ливанская Хезболла нанесет по этой причине удар по Израилю, то начнется еще и война Израиля с Ливаном. Аналогично может поступить и сирийский президент Башар Асад, помогая своему союзнику и отвлекая внимание от внутренних беспорядков. Треугольник замкнется. Саудовская Аравия и ОАЭ могут быть втянуты в войну, отвечая Ирану на нападение на американские объекты в заливе и перекрытие пролива.

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ВОЙНЫ

Выход из тупика можно попробовать найти в экономических и сопутствующих им санкциях. Тут есть надежда, что вопрос решится без применения силы и не поставит никого в неприятное положение ответчика за полный хаос на Ближнем Востоке. Цель санкций – ослабить иранский режим, заставить его пойти на уступки, для того чтобы иранское руководство пришло к выводу, что непримиримая позиция Ирана не стоит издержек, которые несет общество, и само сделало шаг навстречу МАГАТЭ, чтобы доказать – иранская ядерная программа носит исключительно мирный характер.

На санкции возлагала свои надежды еще администрация демократа Джимми Картера, так что они прошли длинный путь – от замораживания активов и запрета на поставки определенных видов вооружений, оборудования и ограничения передвижения лиц, причастных к иранской ядерной программе, до атаки на иранскую финансовую систему. Нюанс санкций против Ирана заключается в том, что чем более и далее по времени они безуспешны, тем большую привлекательность обретает военная опция – потому что надо успеть “впрыгнуть в закрывающуюся форточку возможностей”, о которой говорит Израиль. Кроме этого, санкции, которые изначально направлены на то, чтобы Иран смягчил позицию в переговорах, создают предпосылки для применения другой опции – смены режима в Иране. Предполагается, что люди,

утомленные экономическим давлением, все больше будут выражать недовольство действующим правительством, а критика против режима в целом будет становиться все громче.

Однако, по мнению экспертов, санкции должны быть скомбинированы с угрозой военного вторжения и “пряниками”, чтобы побудить Иран к сотрудничеству, и конечно, переговорами. Разумеется, санкции оказывают определенное влияние на иранскую экономику: продажи нефти значительно упали, Иран испытывает трудности с отгрузкой нефти и проблемы с валютой: за период с декабря 2011 г. по март 2012 г. иранский риал потерял в цене 40%. Добыча нефти упала до уровня 10-летней давности – 3,38 миллиона баррелей в день. Не всегда легко отделить иранские стратегические просчеты в экономике и эффект собственно санкций, но их влияние перестали отрицать даже иранские политики²⁷.

Санкции же, скорее всего, привели Иран за стол переговоров в апреле 2012 г. Но не повлияли на изменение его позиции. Чтобы санкции могли причинить действительно существенный вред иранской экономике и поставить под удар сохранение режима, закупки иранской нефти (в идеале) должны прекратить все страны. По многим причинам это представляется невозможным.

В вопросе о санкциях важную роль играет и временной фактор: они имеют хоть какой-то эффект лишь до момента, пока держится терпение Израиля и пока Иран не приобрел ядерную боеготовность. Плюс, санкции приносят и ряд побочных эффектов – повышение цен на нефть, возможности для покупки иранской нефти Китаем с большой скидкой и стимулы для Ирана – например, рационализировать свою экономическую политику и усовершенствовать производство нефтепродуктов, чтобы повысить самодостаточность.

Хуссейн Мусавиан призывает Запад признать право Ирана на развитие его ядерной программы, ослабить взаимные подозрения и санкции. “Иранцы не пойдут на уступки под давлением, это противно иранской культуре”, – говорит Мусавиан²⁸. А индийский и пакистанский опыт 1980-х и 1990-х годов доказывает, что санкции только увеличивают издержки превращения в ядерную державу, но не пресекают такую возможность в целом.

Еще одна опция взамен военной – направить усилия на смену режима в Иране. Смена режима – это не только побочный эффект, который предположительно могут спровоцировать санкции, но и самостоятельный план, который постоянно возникает на столе предложений. С точки зрения США, распространить свое влияние на Ближний Восток по доктрине Буша без Ирана точно не

---

²⁷ *O'Sullivan M.* The Role and Potential of Sanctions / Iran: The Nuclear Challenge. Washington, 2012.

²⁸ *Fantz A.* No friend of Ahmadinejad, Iranian insider still defends nuclear ambitions // CNN. 5.06.2012. URL: <http://security.blogs.cnn.com/2012/06/05/no-friend-of-ahmadinejad-iranian-insider-still-defends-nuclear-ambitions/>

получится. А при существующем режиме это неосуществимо. Смена режима, рассчитывают ее сторонники, могла бы стать “серебряной пулей”, которая поразила бы иранскую ядерную проблему на фоне текущей политики кнута и пряника.

Эксперт Амир Тахери считает, что в действительности иранский режим гораздо более хрупок, чем принято считать, поэтому опция может сработать. Во-первых, режим утратил первоначальную легитимность, которую ему принес Хомейни и более широкая база, состоящая из левых и националистов, которых Хомейни постепенно вычистил, оставив разрозненный слой консерваторов. Многие приверженцы режима из рядов бывших сторонников Хомейни, КСИР, членов парламента дистанцировали себя от нынешней власти, кто-то пассивно, кто-то – активно перейдя в ряды диссидентов. Во-вторых, ориентация режима на социальную справедливость и борьбу с бедностью себя тоже не оправдала – экономическая ситуация в Иране стремительно ухудшается. Режим приобрел сильную оппозицию среди иранской интеллигенции – студентов, ученых, преподавателей, музыкантов, режиссеров.

Если оставить моральные и правовые противоречия, опция смены режима находится в прямой оппозиции заключению сделки с иранским правительством по поводу ядерной программы, на которую Иран призваны толкать санкции. Потенциальная возможность, что США заключат сделку с Ираном в период президентства Хатами и Клинтона, разочаровала оппозицию, которая почувствовала себя разменной картой. Та же ситуация имеет место и сейчас: с одной стороны группа посредников пытается договориться с правительством, с другой – США интенсивно спонсируют оппозиционную деятельность в Иране. А направленные усилия по смене режима не сработают в условиях взаимного недоверия сторон. Тахери считает, что любая политика должна рассматриваться с точки зрения, помогает или препятствует она смене режима в Иране. Но этот фильтр положит конец дипломатическим усилиям.

CUI PRODEST²⁹

На фоне оптимистической концепции «диалога цивилизаций» Хатами в 2001 г., казалось гармонизация отношений Ирана с США, Израилем и разрешение иранского ядерного вопроса вот-вот произойдет. Но и в период относительной либерализации при Хатами не произошло ни налаживания отношений с США, ни урегулирования напряженности с Израилем. И существенно ли изменилась иранская позиция по ядерному вопросу с приходом к власти Ахмадинежада? Это приводит нас к таинственному вопросу о том, кто вообще уполномочен принимать

---

²⁹ От лат. – «ищи, кому выгодно»

решения по ядерной политике – как внутренней, то есть в том, что касается разработок, так и внешней – по поводу стратегии поведения Ирана в международных переговорах.

Иранская политическая жизнь отличается фактическим отсутствием политических партий, ей присущ фракционизм. Фракционизм культивируется как средство поддержания баланса духовным лидером, который старается позиционировать себя как бы над системой. Традиционно называют три основные политические силы – консерваторов во главе с наиболее консервативными великими аятоллами, такими как Мохаммад-Таги Месбах-Язди и Али Джаннати (и условно – Али Хаменеи), прагматиков во главе с Рафсанджани и реформистов во главе с Хатами. Однако эта классификация не отражает всей полноты политического спектра. По мысли Клифтона Шерилла, сюда следует добавить еще 2 группы – неоконсерваторов во главе с Ахмадинежадом и революционеров.

Каждая из этих групп обладает определенным взглядом на ядерную политику Ирана. Консерваторы старой закалки относятся к возможному смягчению позиции негативно. Все, что способно смягчить отношения с США, откроет дорогу шпионам и западной культурной экспансии, это будет растлять молодое поколение и поколеблет устои исламского режима³⁰.

Неоконсерваторы в лице Ахмадинежада с его агрессивной антиизраильской и антиамериканской риторикой выглядят более склонными к компромиссам, чем консерваторы. Бывший глава МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи свидетельствовал о том, что Ахмадинежад делал попытки пойти даже на прямые переговоры с США. США в ожидании смены власти в Иране на более либеральную на переговоры не пошли. Это, в свою очередь, уверило иранскую консервативную элиту в бесполезности попыток наладить отношения.

Прагматики еще более склонны к компромиссам, так как, в отличие от консерваторов с идеей экспорта революции, видят расширение иранского влияния в сближения с западными странами. Реформаторы же не то, чтобы хотя привнести западную концепцию прав и свобод человека и капиталистической экономики в Иран, но по вопросу интеграции в международное пространство солидарны с прагматиками.

Все названные категории, за исключением революционеров, отличаются одной характерной чертой – каждая из групп в целом поддерживает развитие атомной энергетики. Все четыре группы функционируют в рамках существующего режима. И поскольку на ядерный вопрос было уже нанизано большое количество элементов иранской политики, его невозможно просто так выдернуть из основания. Именно по этой причине – потому что это может поколебать режим в целом. Интересно, что и пятая группа, революционеры, в целом характеризуется

---

³⁰ *Singh M.* To Keep the Peace with Iran, Threaten to Strike // *The Washington Quarterly*. 2012. № 2. pp. 58-59.

положительной оценкой к продолжению иранских ядерных разработок. Поэтому иногда говорят, что смена режима не приведет к смене иранской позиции по ядерному вопросу. Все это не говорит о том, что совсем не слышно голосов в пользу, например, полного отказа от ядерных амбиций. Например, 10 июля 2012 г. реформистский политик Абдулла Нури, предложил устроить референдум по поводу судьбы иранской ядерной программы. Нури неоднократно высказывался по поводу того, что Иран не может пожертвовать национальными интересами, упорствуя в единственном вопросе³¹.

Эксперты по Ирану склоняются к выводу, что решение иранского ядерного вопроса, лежит в руках духовного лидера Али Хаменеи. И неясно, какое давление потребуется, чтобы он принял решение пойти на уступки – во имя сохранения режима. Характерной чертой иранского внешнеполитического наследия времен Хомейни является то, что предписания духовного лидера стоят выше закона. Некоторые из них были прямыми указаниями к действию правительству и стали частью иранской внешней политики. Большинство решений, принятых Хомейни, создали прецедент и устойчивую традицию, которая сегодня не может быть легко изменена³².

Однако и в политике духовного лидера могут наблюдаться любопытные сдвиги. Речь Хомейни по случаю годовщины смерти второго шиитского имама Хасана, выглядит смутным предвестником смягчения позиции по ядерному вопросу³³. Чаше иранцы вспоминают третьего имама – Хусейна, который призывал активно бороться против нечестивых правителей. В то время, как его брат Хасан призывал быть гибкими во взаимодействии с врагом и говорил о важности сохранения мира. За год до этого Рафсанджани поднимал тему невнимания к Хасану в противовес его брату Хусейну³⁴. И в этом году сайт аятоллы Хаменеи вновь опубликовал речь рахбара, датируемую 1389 г., о преимуществе мирной позиции Хасана³⁵. Хаменеи также обратился к недавней истории своего предшественника, аятоллы Хомейни, о принятии

³¹ Reformist Challenges Iran's Nuclear Program // Iran Primer. United States Institute of Peace. 13.07.2012. URL: <http://iranprimer.usip.org/blog/2012/jul/13/reformist-challenges-iran%E2%80%99s-nuclear-program>

³² *Roshandel J.* Evolution of the Decision-Making Process In Iranian Foreign Policy (1979-1999) //Copenhagen. 1999. № 17. P.9-10. / Цит. по Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации. Дис. ... канд. пол. Наук: 23.00.04 / Мотовилов Ю.В. Нижний Новгород, 2005. С. 88.

³³ بیانات در دیدار شاعران در سالروز میلاد امام حسن مجتبی علیه‌السلام // Веб-сайт духовного лидера Ирана

³⁴ هاشمی رفسنجانی: در اسلام هدف، هر وسیله‌ای را توجیه نمی‌کند // Веб-сайт духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи. –26.05.1390 (17.08.2011). URL: <http://old.khabaronline.ir/news-168372.aspx>

³⁵ بیانات در دیدار اقشار مختلف مردم در روز پانزدهم ماه مبارک رمضان // Веб-сайт духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи. 22.01.1369 (11.04.1990). URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=2291#solh>

резолюции № 598 Совета Безопасности ООН о прекращении войны с Ираком, когда страна не могла по экономическим причинам позволить себе продолжать войну.

Смягчение позиции может быть связано отчасти с тем экономическим давлением, которое оказали на Иран последние санкции США и Евросоюза, отчасти – с шатким положением союзника Ирана – алавитского режима в Сирии. Так, это может выглядеть как попытка подготовить общественное мнение, чтобы “сохранить лицо”, если правительство пойдет на уступки по ядерному вопросу. 14 июля 2012 г. представитель духовного лидера в КСИР Али Саиди заметил, что иранское руководство находится сейчас в позиции, схожей с той, в которой был первый шиитский имам Али. Али мог победить Муавию ибн абу Суфьяна, но пошел на заключение мира из-за советов своих слабовольных друзей³⁶. Поэтому необходимо вдохновлять людей на терпение в текущей ситуации. Важно, сумеет ли Хаменеи консолидировать позиции при существующем разнообразии мнений, если примет решение пойти на уступки.

Напомним, что шииты, в отличие от суннитов, следуют принципу *такийя*, что означает дозволенность сокрытия правды во спасение³⁷. Хотя в большей степени это относится к сокрытию религиозной принадлежности. Однако после выборов 2009 г. великий аятолла Мохаммад-Таги Месбах-Язди издал фетву, в которой оправдывал фальсификацию выборов, если это позволяет сохранить исламский характер государства, гарантом которого стал Ахмадинежад³⁸. Возможно ли, что принцип *такийя* может быть экстраполирован на ядерную политику?

Здесь нужно привести еще один факт конкуренции норм. Одним из аргументов в пользу того, что Иран не имеет планов создания ядерного оружия, является фетва аятоллы Хаменеи о том, что ядерное оружие – это *харам*. С другой стороны, согласно Корану, Бог ни один из способов вмешательства немусульман в дела мусульман не считает правильным. Значит, что мусульманское общество не имеет права разрешить неверным определять судьбу мусульман, отношения на правах «волка и овцы» противопоказаны³⁹. Вкупе с принципом сокрытия правды при определенных обстоятельствах, аят Корана окажется выше фетвы духовного лидера – если необходимо будет трактовать его подобным образом.

Принцип *cui prodest* заставляет нас продолжить поиск тех, кто получает ренту от ядерных разработок и сохранения ситуации вокруг иранской ядерной программы. Перманентная

³⁶ خبرگزاری فارس // ما در آستانه فتح خیمه معاویه هستیم 24.04.1391 (14.07.2012). URL: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13910424000493>

³⁷ Коран 16:106.

³⁸ Бенси Дж. В ожидании “сокрытого имама” // НГ-Религии. 1.07.2009. с. 6

³⁹ Интервью с пятничным имамом, Тегеран, лето 2011 г.

напряженность, исходящая извне, была бы выгодна Корпусу стражей исламской революции, влияние которого так усилилось в последнее время.

Так в период 2005-2009 гг. КСИР было получено примерно 750 контрактов, предполагающих деятельность в конструкторском, нефтяном и газовом секторах⁴⁰. КСИР стал доминирующим игроком в секторах энергетики, телекоммуникаций, машиностроения, банкинга и финансов. Также КСИР связан с множеством компаний, которые формально являются частными, но на деле возглавляются ветеранами организации, которые поддерживают тесную связь с Корпусом и своими коллегами. Именно КСИР извлекли пользу из санкций в отношении Ирана за счет ухода с рынка их внутренних и иностранных конкурентов⁴¹. Практика санкционного давления в течение последних лет показывает, что более жесткие санкции, которые будут ударять по иранской экономике, одновременно будут усиливать организацию, которая с наибольшей вероятностью контролирует иранскую ядерную программу – КСИР.

Изначально созданный для поддержания режима, Корпус стражей не был активным политическим игроком. Реформистская повестка Хатами, которая порой даже ставила вопрос о необходимости духовного лидера в политической системе, только усилила КСИР как защитника системы. Тогда и после, на выборах 2005 г., когда победу одержал Махмуд Ахмадинежад, КСИР играл свою роль в подавлении реформаторских голосов и поддержке желаемых политических фигур. Выборы 2009 г. показали, что КСИР не потерпит в президентском кресле реформатора вроде Мир Хосейна Мусави. По словам генерал-майора Мохаммада Али Джафари, возглавляющего КСИР, этот орган не является только военным, но также представляет собой политическую и культурную силу – настолько, насколько это необходимо для защиты исламского строя⁴². Могущество КСИР побудило его элиты влиять на институциональную среду, меняя ее в соответствии со своими соображениями. Бывшие члены занимают государственные посты, места в исполнительной власти, должности глав провинций и значительное количество мест в парламенте⁴³. Это случилось в том числе благодаря Ахмадинежаду, который естественным образом выстраивал команду из бывших коллег. Эффективные

⁴⁰ *Sherrill C.* After Khamenei: Who Will Succeed Iran's Supreme Leader? // *Orbis*. 2011. Fall. P. 644

⁴¹ Например, в 2004 г. турецкой компании не было позволено построить международный аэропорт в Тегеране – преимущество было отдано КСИР.

⁴² *Wehrey F., Green J., Nichiporuk B., Nader A., Hansell L., Nafisi R., Bohandy S.* The Rise of the Pasdaran: Assessing the Domestic Roles of Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps. 2009. p. 11. URL: http://www.rand.org/pubs/monographs/2008/RAND_MG821.pdf

КСИР может преодолеть любые трудности // *TREND*. 25.06.2012. URL: <http://www.trend.az/regions/iran/2040272.html#popupInfo>

⁴³ *Alfoneh A.* The Revolutionary Guards' Role in Iranian Politics // *Middle East Quarterly*. 2008. Fall. URL: <http://www.irantracker.org/military-activities/revolutionary-guards-role-iranian-politics>

действия корпуса Басидж по подавлению протестов укрепили и авторитет КСИР. Воинственные заявления со стороны Вашингтона и Тель-Авива также естественным образом спровоцировали усиление влияния КСИР, который как защитник исламского режима выдвинулся на первый план.

Формально, как гарант исламского строя, КСИР должен поддерживать духовного лидера и статус-кво. Реально, действуя в интересах корпорации, он будет поддерживать нужных ему политических фигур и сдвиги в системе. КСИР не выгодно выходить из политической тени, позиционируя себя как самостоятельного политического игрока. Даже в случае потери легитимности духовным лидером они скорее провели бы политический переворот, заменив его новым, чтобы сохранить сам режим, который важнее отдельных фигур. Все это, однако, не доказывает того, что КСИР непременно стремится к созданию ядерного оружия для удержания власти, но позволяет обосновать, почему Иран, политическая система которого все более и более пронизана паутиной КСИР, избегает принимать предложения по урегулированию вопроса.

Предположения аналитиков об ослабленной позиции иранского режима в связи с нестабильностью в регионе и внутривластным «расколом»⁴⁴ не оправдались – иранское руководство по-прежнему консолидировано выступает по ядерному вопросу, не обнаруживая расхождения во мнениях. Поэтому сторонники смены режима не верят в то, что фракционная борьба способная изменить систему.

Международное давление поместило иранскую внешнюю политику в определенные рамки, которые задают и внутривластные движения в республике. Когда внешние изменения улучшают или ухудшают положение членов властной коалиции, их относительная переговорная позиция меняется. Норт, Уоллис и Вайнгайт обосновывают такие изменения в основном применительно к внутривластной обстановке⁴⁵. Мы утверждаем, что колебания в положении элит, спровоцированные внешними факторами, оказывают обратный эффект на внешнюю политику государства. Представляется, что иранская позиция по ядерному вопросу также связана с внутренней нестабильностью. Так, например, некоторые связывают смягчение позиции Ирана на переговорах 2009 г. с консолидацией позиций внутри «шестерки» посредников. Но уже вскоре после обсуждения деталей сделки в Вене иранцы предложили внести в проект заведомо неприемлемые изменения. Скорее всего, это было связано с тем, что иранскому руководству удалось подавить массовые волнения после президентских выборов 12

---

⁴⁴ Например, Мохсен Милани – см.: *Greenblatt A. Has Iran Become Less Dangerous? // NPR. 9.11.2011. URL: <http://www.npr.org/2011/11/09/142169154/has-iran-become-less-dangerous>*

⁴⁵ *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 97.*

июня 2009 г. Именно в разгар оппозиционных митингов, приуроченных годовщине революции в 2010 г., Ахмадинежад провозгласил с площади Азади о том, что первая партия урана, обогащенного до 20%, уже получена⁴⁶ – это подтверждает наши предположения об опоре на ядерный вопрос как на национальную гордость.

Амир Тахери считает, что Исламская Республика имеет ограниченный коридор для выбора путей движения, потому как, в отличие от обычного национального государства, Иран является воплощением революции и, значит, генетически запрограммирован на конфликт с теми, кто считает “хомейнизм” угрозой региональной стабильности и мировому спокойствию⁴⁷. Поэтому враждебность Ирана до тех пор, пока он не приблизился к традиционной модели национального государства, в отношениях с Западом неустраима. “Исламская Республика ядовита ... из-за ее идеологической ДНК, поэтому даже если ее поведение может изменяться на время под влиянием внешних сил, режим все равно должен быть свергнут и заменен другим”⁴⁸. Тем не менее, режим на своем месте, достаточно устойчив, и решение вопроса надо принимать на основе этого факта. Ждать кардинальной смены политического курса от четырех описанных фракций не стоит, равно как и пытаться пробудить доверие иранцев к оппозиции, импортированной из США. Скорее всего, в критической ситуации иранское руководство было бы склонно принять какое-то решение вопроса, чтобы “сохранить лицо”⁴⁹. А усиленное давление на Иран в среднесрочной перспективе приведет к власти еще более жестких политиков. Еще по крайней мере какое-то время Иран продолжит находиться “перпендикулярно” к общему потоку, отстаивая свое право на ядерные разработки. Смена институтов потребует еще много времени для внутригосударственных трансформаций. Но это не означает, что безумие военных действий – выход из сложившейся ситуации. И прагматики в правительствах стран “нелюбовного треугольника” это прекрасно понимают.

---

⁴⁶ Рагозин Л., Портякова Н., Сова Е. Зеленый день календаря // Newsweek. 15.02-21.02.2010. С. 38.

⁴⁷ Taheri A. Getting Serious About Iran: For Regime Change // Commentary. 2006. November. P. 23.

⁴⁸ Ibid. P. 27.

⁴⁹ Bhala R. Negotiations Behind U.S. Sanctions Against Iran // Stratfor. 3.07.2012. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/negotiations-behind-us-sanctions-against-iran>